

Научная статья
УДК 316.77
doi: 10.17223/26188422/13/6

Структурно-содержательные особенности нарратива в текстах СМИ о Великой Отечественной войне

Наталия Владимировна Демчук

*Кузбасский гуманитарно-педагогический институт Кемеровского
государственного университета, Новокузнецк, Россия, pyzas@mail.ru*

Аннотация. Исследованы особенности текстов о Великой Отечественной войне, публиковавшихся в СМИ Кемеровской области в 2018–2022 гг. С опорой на работы Ж. Женетт и А. Греймаса описана нарративная структура этих публикаций. Нарративный подход к анализу текстов позволил выявить существующие в общественном сознании и отражающиеся в воспоминаниях очевидцев идеологические установки в описании прошлого. Этот канон включает в себя субъективизм восприятия мира, внимание к деталям, натурализм и эмоциональность.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, медиатекст, кузбасские медиа, нарратив, дискурс-анализ

Для цитирования: Демчук Н. В. Структурно-содержательные особенности нарратива в текстах СМИ о Великой Отечественной войне // Вопросы журналистики. 2023. № 13. С. 97–110. doi: 10.17223/26188422/13/6

Original article
doi: 10.17223/26188422/13/6

Structure and content features of the narrative in media texts about the Great Patriotic War

Natalia V. Demchuk

*Kuzbass Humanitarian Pedagogical Institute of Kemerovo State University,
Novokuznetsk, Russian Federation, pyzas@mail.ru*

Abstract. The article presents the results of a study of the features of texts of Kemerovo Oblast's regional mass media about the Great Patriotic War in the journalistic discourse of the beginning of the 21st century. The object of the study is texts of publications in the newspapers of Kemerovo Oblast (n = 74) for 2018–2022.

Media texts are used to represent a social group – people who survived the events of the war, and the features of the war situation that exist in the minds of these people in the present – 70 years after the immediate events. The research method is narrative discourse analysis. When constructing a model of the object of study, the author relies on works by Gerard Genette and Algirdas Greimas. The narrative structure is a model of the hero's memories and at the same time a model of a journalistic text that constructs reality for the reader. The analysis of media texts made it possible to identify differences in narratives in the description of the Great Patriotic War: a personal story of the hero, a retelling of the hero's story by a journalist, a story about the hero by his/her relatives. The level of narration in texts is understood as a strategy for structuring an event series. Strategies for structuring events in texts are similar, which allows speaking about the genre and style unity of the texts. The subjects of the narratives are direct eyewitnesses of the events, the objects are service to the Motherland, protection from enemies, survival. The driving force behind the stories is the events of the war. The reward of the subjects is the social recognition by society of the actions of the heroes. Obstacles to the actions of the characters in the texts show the consequences of the war (destruction, famine, captivity), worries and fear of an uncertain future, the state that interferes with people's daily lives. The space of the narrative is mobile, people move around the country. Time moves simultaneously with the events of the characters' lives. The deep structure of media texts about the war showed the presence of universal positive and negative values, broadcast through the eyewitnesses' memories. It is important that the evaluations of events and the values of the heroes are presented from the standpoint of the modern picture of the world. The narrative approach to the analysis of the texts made it possible to identify the ideological attitudes in the description of the past that exist in the public mind and are reflected in the eyewitnesses' memories. The study showed that the regional media of Kemerovo Oblast have a certain canon for describing the Great Patriotic War: subjectivism in the perception of the world, individualism in description, attention to detail, naturalism, and emotionality in description.

Keywords: Great Patriotic War, media text, Kuzbass media, narrative, discourse analysis

For citation: Demchuk, N. V. (2023) Structure and content features of the narrative in media texts about the Great Patriotic War. *Voprosy zhurnalistiki – Russian Journal of Media Studies*. 13. pp. 97–110. (In Russian). doi: 10.17223/26188422/13/6

СМИ традиционно выполняют социальный заказ общества на медийную интерпретацию прошлого. Актуализация общественной потребности в осмыслении знания о наиболее значимом для социума прошлом традиционно происходит в ситуации, когда непосредственных носителей аутентичного исторического опыта становится меньше. Но чем дальше от непосредственных исторических событий, тем

больше прошлое становится мифом в общественном сознании. В мифе содержатся символы памяти как осознанные представления о культурных ценностях социальной общности. Это обуславливает исследовательский интерес к изучению особенностей текстов в различных журналистских дискурсах, в частности, в журналистском дискурсе о Великой Отечественной войне. Действительно ли тексты о войне в региональной прессе представляют собой особые нарративы? Имеют ли нарративные структуры разных рассказчиков общую глубинную структуру: базовые ценности и нормы, формирующие общественное сознание? Действительно ли описание войны в текстах СМИ становится все более мифологизированным?

В статье представлены результаты исследования особенностей нарративов о Великой Отечественной войне в публикациях региональной прессы Кемеровской области. С начала 2000-х гг. интерес в СМИ к биографическим воспоминаниям о войне резко вырос. С одной стороны, это связано с тем, что ветераны уходят из жизни, хочется сохранить живые воспоминания. С другой – с момента описываемых событий прошло много лет и людям становится легче делиться пережитым, особенно тем, о чем молчали в семьях: о голоде, плене, лагерях и т.п. К настоящему времени в региональной прессе накоплен большой объем воспоминаний о времени и событиях Великой Отечественной войны. Воспоминания собирали журналисты, школьники, студенты, волонтеры-поисковики, музейные работники и т.д. Но этот материал находится в разрозненном и несистематизированном виде. Большой массив воспоминаний ветеранов и очевидцев войны собран и напечатан в газетах Кузбасса. Первое поверхностное знакомство с данными текстами в печатных СМИ позволяет предположить, что они отличаются от подобных публикаций, созданных в конце XX в. Их отличает наличие рассказчика, субъективный характер изложения – «от первого лица», образность, внимание к деталям и подробностям, внимание к чувствам и переживаниям героев. Это позволило выдвинуть гипотезу о сложившемся в начале XXI в. особом типе нарратива – рассказывания о событиях Великой Отечественной войны в региональных газетах.

Цель исследования – описать особенности нарративов о Великой Отечественной войне в начале XXI в. в региональных СМИ. Объект исследования – тексты публикаций в СМИ, содержащие рассказы о войне ветеранов, тружеников тыла, детей войны, жителей блокадного

Ленинграда, малолетних узников фашистских концлагерей. Тексты публикаций использованы для репрезентации социальной группы – людей, переживших события войны, и особенностей ситуации войны, существующей в сознании этих людей в настоящем – через 70 лет после непосредственных событий. Предмет исследования – структурно-содержательные особенности нарратива о Великой Отечественной войне в текстах региональных печатных СМИ Кемеровской области в первой половине XXI в. Эмпирической базой исследования стали тексты воспоминаний о войне (74 публикации за 2018–2022 гг.), напечатанные в газете «Кузнецкий рабочий» (Кемеровская область, г. Новокузнецк).

Для исследований СМИ тематика изучения связи между общественным контекстом и созданием текстов традиционна. Изучением текстов СМИ как нарративов занимаются в русле методологии критического дискурс-анализа. Этот подход дает возможность анализировать структурно-содержательные особенности нарратива. Анализ журналистских текстов на основе критического дискурс-анализа опирается на работы Т. ван Дейка, Н. Фэрклоу, Р. Фаулера, А. Белла и других зарубежных авторов, в которых раскрыты механизмы создания дискурса на уровне лексики, нарративных структур, приемов интерпретации текста. В отечественных исследованиях традицию дискурсивного анализа СМИ поддерживают А. А. Негрышев [1], В. В. Федоров [2], С. В. Иванова, О. О. Сподарец [3], А. М. Сосновская [4].

С позиций социолингвистики в самом общем виде текст – любой тип коммуникативного высказывания [5]. Тексты имеют определенные признаки, связанные с восприятием ситуации автором и представлением ее читателям. Предпосылка, на которой построено исследование, заключается в том, что из определенного содержания текста можно извлечь значения, которые автор вложил в свой текст. Определить, насколько эти значения соответствуют тем значениям, которые получатель слышит или читает. Согласно интерактивной и диалогичной модели коммуникации [5], каждый текст синхронически и диахронически связан с другими текстами и встроен в социальный, политический и другие общественные контексты. Там самым каждый отдельный текст в СМИ о войне встроен в общий контекст, и все тексты представляют собой единое специфическое тематическое поле.

С позиций дискурс-анализа тексты СМИ о войне могут быть рассмотрены как нарративы. Нарративный анализ имеет давнюю тради-

цию в социологических исследованиях [6]. Нарративный подход к анализу текстов интервью очевидцев Великой Отечественной войны позволяет одновременно выявить существующие в общественном сознании идеологические установки в описании прошлого и одновременно погрузиться в живую ткань реальных событий, реконструируемых очевидцами. Нарративы – истории с началом, серединой и концом, которые содержат вывод или некий опыт рассказчика. Повествование истории, как правило, связано с каким-то необычным событием или сложностью, которая возникла в ходе события [5].

В целом в большинстве нарративов о Великой Отечественной войне в текстах СМИ за период 2018–2022 гг. война описана как чудовищное страшное событие, которое разрушает благополучную мирную жизнь людей, люди сталкиваются с трудностями, которые требуют огромных усилий для их преодоления, люди побеждают трудности и получают в награду семью, работу, признание общества.

А слушая последние известия, где поминают слово «война», думаю, что война – это недопустима, больно и очень-очень страшно... (Данилова М. А. Война – это больно и очень-очень страшно... // Кузнецкий рабочий. 2017. 16 мая).

В исследовании использована модель построения нарратива, предложенная Ж. Женетт. В данной модели нарратив может быть «рассмотрен как сочетание трех аспектов: история – повествовательное означаемое или содержание; наррация – повествовательный акт конкретной коммуникации; повествование – высказывание, повествовательный текст» [7. С. 64–66], стиль изложения. История в анализируемых текстах СМИ о Великой Отечественной войне показана через событийный ряд в повествовании. Наррация понималась как нарративная практика. Нарративная практика – «совокупность правил, приемов и средств, организующих последовательное высказывание (нарратив) в определенном предметно-тематическом поле журналистского дискурса» [2. С. 113].

Для анализа наррации в текстах о войне в СМИ использована методика семиотического анализа нарративного дискурса А.-Ж. Греймаса, который предлагает рассматривать текст как «продукт повествователя, который излагает события» [5. С. 48]. Методика позволяет выделить нарративную структуру текста. Нарративная структура показывает структуру представлений героев и рассказчиков о событиях

прошлого в том виде, в каком она присутствует в данный момент в актуальной памяти. Нарративная структура – модель воспоминаний героя и одновременно модель журналистского текста, конструирующая реальность для читателя.

По схеме А.-Ж. Греймаса, текст состоит из описания шести актантов или ролей, направляющих историю, и двух изотопов. Дестинатор – определенная сила, которая устанавливает правила и ценности в действии и представляет идеологию текста. Получатель – ценности или награда субъекта за действия. Субъект – главное действующее лицо в повествовании. Объект – то, к чему стремится субъект повествования, цель, на которую направлен интерес субъекта. Помощник – поддерживающая сила, которая помогает субъекту в его стараниях. Предатель – препятствующая сила, которая олицетворяет все, что удерживает субъекта от достижения цели. Изотоп места – характеристика внешней среды, в которой разворачивается история. Изотоп времени – характеристика перемещений по оси времени.

При анализе текстов выделено несколько вариантов нарративов в описании Великой Отечественной войны в текстах современных СМИ в зависимости от типа субъекта: личный рассказ героя – субъекта, который был участником описываемых событий; пересказ рассказа героя журналистом со вставками прямой речи героя, личный рассказ о герое – воспоминания о нем его родственников. В первом случае субъект нарратива совмещает функции героя повествования и рассказчика, во втором и третьем случаях герой и рассказчик – это разные люди.

Субъекты нарративов: непосредственные участники военных действий – солдаты, события в их рассказах обычно происходят на фронте; непосредственные участники военных событий – несолдаты («дети войны», малолетние узники концлагерей, блокадники); люди, которые жили в это время в тылу («дети войны», труженики тыла, спецпереселенцы, эвакуированные). Это люди, которые пережили войну, были свидетелями непростых событий в истории XX в.

Она прожила большую интересную жизнь, была свидетелем исторических событий своей страны, вместе со всеми преодолевала грозные события и всенародные беды, радовалась общим достижениям, победам и праздникам и много работала (Кулакова Н. Каждый год юбилейный // Кузнецкий рабочий. 2021. 6 нояб.).

Нина помнит: когда ей было года четыре, отец держал ее на руках, а она громко смеялась и угощала его абрикосами. Тогда она видела отца в последний раз (Кулакова Н. Жизнь прожить – не поле перейти // Кузнецкий рабочий. 2021. 16 апр.).

Объекты / цели субъектов нарративов: служение Родине, защита от врагов (для солдат), выживание в трудных жизненных условиях (для несолдат).

Вот и юная Клава в 1943 году надела военную форму – а ведь ей не было еще и восемнадцати. Такое решение в то время было естественным для многих молодых людей. Не за орденами и льготами уезжали люди – защищать свою землю (Иващенко Н. Фронтовые дороги Клавдии Чукановой // Кузнецкий рабочий. 2015. 9 мая).

Отправитель / движущая сила нарративов – события Великой Отечественной войны: отъезд героя на фронт, переезд в тыл (эвакуация), вынужденный переезд в Сибирь (для спецпереселенцев).

На этом паркете Анастасия весело кружилась на выпускном балу и в ночь на 22 июня 1941 года. Утром была война... Участь в старших классах, она занималась в аэроклубе, мечтала, что станет летчицей. Война нарушила ее планы (Кулакова Н. Каждый год юбилейный).

Осенью 1943 года его мобилизовали и вместе с другими сибиряками-новобранцами эшелонам отправили на фронт (Басаргина Т. Думали, что учения, а оказалось, война с Японией // Кузнецкий рабочий. 2019. 29 июля).

В июле 1941 го студентом 4-го курса он уходит на фронт (Ерофеев С. Верой и правдой служил Родине // Кузнецкий рабочий. 2021. 27 апр.)ю

И тогда мы решили ехать в Сталинск, к родственникам, которые эвакуировались вместе с заводом из Днепропетровска в Сибирь. «На чем мы только не ехали, – вспоминает Зоя Наумовна, – на барже по морю, в теплушках до Челябинска» (Волкова О. Радует всех, кто с ней рядом // Кузнецкий рабочий. 2018. 17 июля).

Когда в 42-м фронт вплотную придвинулся к населенному пункту, семьям этнических немцев... было дано три дня на сборы. Их переселяли в Сибирь (Волкова О. Всем на зависть // Кузнецкий рабочий. 2018. 7 марта).

Получатель / награда субъектов – признание их действий социально одобряемыми обществом, наделение их героическими качествами,

другими словами, признание подвига ветеранов и уважение к ним общества. Признание реализуется через описание заслуг героев: боевые и трудовые награды, благодарности, наличие семьи, детей и внуков, уважение на работе, приглашение рассказывать о своем участии в войне перед молодым поколением.

Можно позавидовать этому человеку. Его большой интересной жизни... Андрей Гаврилович состоялся не только в профессии, но и в семье. С женой Лидией Прокофьевной они прожили в мире и согласии 62 года, воспитали троих детей. Сейчас у Андрея Гавриловича четыре внука и два правнука (Кулакова Н. Настоящий полковник // Кузнецкий рабочий. 2021. 12 марта).

...Знают, как человека с активной жизненной позицией, неунывающего ветерана (Волкова О. Труженик тыла из деревни Горелки // Кузнецкий рабочий. 2015. 9 апр.).

Помощниками героев в текстах СМИ представлены ближайшее окружение (соседи, коллеги по работе), институт образования.

...В такое страшное, тяжелое время люди все-таки не озлобились. Они помогли друг другу чем могли. Эвакуировали людей из разных городов, но все жили дружно, в горе и в радости вместе (Кулакова Н. Через годы и преодоления // Кузнецкий рабочий. 2019. 29 нояб.).

В городе стали организовывать военные госпитали: в школах, домах отдыха... Конечно, нужны были медицинские кадры. Я и пошла на курсы медсестер. очень хотелось как-то помочь в такое тяжелое время (Савельева О. Медсестра запаса // Кузнецкий рабочий. 2020. 6 марта).

Отдушиной была школа – училась она хорошо, пела в хоре, занималась в струнном оркестре (Кулакова Н. Жизнь прожить – не поле перейти).

Школа показана как место праздника, отдыха, как социальный лифт в лучшее будущее. Идея улучшения жизни через образование прослеживается во многих биографиях героев.

Всюду цветы, картины, ковровые дорожки и приветливые учителя (Кулакова Н. Каждый год юбилейный).

Но потом в ее жизни случилась светлая, самая радостная полоса. Янина поступила в Ленинградский государственный педагогический институт имени А. И. Герцена (Волкова О. Живу за всех и для всех // Кузнецкий рабочий. 2017. 6 окт.).

Препятствиями в нарративах являются последствия военных действий (разрушения домов, голод, плен), переживания героев о будущем (неизвестность, страх перед будущим, жестокость, настороженность людей), институт государства, который насильно перемещает людей в пространстве, задает жесткие правила в повседневной жизни.

Тяжелое время – война. Я брел по лесной тропе в деревню, чтобы раздобыть какую-нибудь еду (Война, отнявшая детство // Кузнецкий рабочий. 2015. 12 марта).

Вначале нас бомбили самолеты, потом дорогу перекрыли вражеские автоматчики и мотоциклисты. Разбежались, кто куда. Возвращаться домой было нельзя: в родном селе и его окрестностях уже лютовали каратели... Кого убили, кого угнали на чужбину (Война у каждого была своя // Кузнецкий рабочий. 2015. 14 февр.).

...Мне всегда хотелось есть. Ели все, от чего нельзя было умереть сразу. Но даже лебеды на всех не хватало (Безматерных В. Подарок // Кузнецкий рабочий. 2020. 20 марта).

...Они пришли к заводским станкам, на фабрики, в поля, хотя им впору было еще заниматься обычными делами подростков, далеких от непосильного труда... Повзрослеть пришлось в первые же военные недели... Нам сказали: «Учиться будете после войны, а сейчас надо работать», – вспоминает Зоя Федоровна (Осипова О. Учиться будете после войны... // Кузнецкий рабочий. 2020. 8 мая).

Способы преодоления препятствий: переезд в другой населенный пункт, смена работы, получение образования, общие праздники. Изотоп времени в нарративах характеризует линейное движение по оси времени. Время в нарративах движется от начала мирной жизни через последовательное описание препятствий, которые герой преодолевает, до получения награды за жизнь (благополучная семья, внуки, успехи в работе, внимание общества к ветеранам). Изотоп места – вся территория страны, по которой перемещаются субъекты. Пространство нарратива – переезд на другое место жительства, вызванный войной (фронт, эвакуация, лагерь спецпереселенцев), неоднократное перемещение в пространстве по территории страны, связанное с изменениями в биографии героя, чаще всего – это смена работы или смена семейного статуса (переезд в другой населенный пункт, переезд на последнее в повествовании место жительства героя). Каждый пере-

езд обычно сопровождается улучшением в жизни героя (материального положения, новые занятия, смена социального статуса на более свободный (для вынужденных переселенцев), смена семейного статуса.

Запомнила, как фашисты с автоматами и собаками гнали их огромной колонной по шольской жаре (Кулакова Н. Жизнь прожить – не поле перейти).

...Днем было темно от дыма и пыли, а ночь озарялась пожарами, от высокой температуры горели камни, и плавился металл. От непрекращающейся канонады глохли и наступавшие, и защищавшие город. Это был ад (Варинов В. Медаль за город Кенигсберг // Кузнецкий рабочий. 2021. 16 апр.).

Почти с самого начала войны через наше село шли обозы с беженцами, потом гнали скот – коров, лошадей... Совхоз обезлюдел, наступила тишина... Потом по деревне понеслись дикие крики, оказалось, что оккупанты начали зверствовать: троих мужчин повесили, еще троих закопали живьем (Брежнева З. Два года мы жили в страхе // Кузнецкий рабочий. 2020. 27 мая).

Я дважды попадала под бомбежку, один раз под обстрел. Летали пули разных цветов (трассирующие), а я думала, что у меня что-то с глазами (Брежнева З. Два года мы жили в страхе // Кузнецкий рабочий. 2020. 27 мая).

...Там было много людей. Холод смешивался со страхом. Отовсюду слышались всхлипы, плач... Страх перед будущим пугал каждого, кто здесь оказался. ...Поезд увозил людей в неизвестность (Худолеева Е. Людмила Баяндина-Гизингер: «Я благодарна всем тем, кто поддерживал меня и моих близких в трудные годы» // Кузнецкий рабочий. 2017. 13 нояб.).

Нас проводили на пассажирский поезд... Теперь долгий путь до Новосибирска. Поезд то стоит сутки, то движется без остановки. На Запад шли и шли эшелоны с солдатами и военной техникой, а на Восток – с демонтированным заводским оборудованием, станками (Тришункин Б. Сталинск моего военного детства // Кузнецкий рабочий. 2017. 13 нояб.).

Стояла по ночам в карауле. Могла по несколько суток не спать, если шли непрерывные бои. Находилась у своих орудий и в холод, и в зной. А когда бой затихал, прижималась к теплоте ствола пушки и говорила «спасибо» за то, что не подвела, за то, что жива (Иващенко Н. Фронтовые дороги Клавдии Чукановой).

Трудоармейцы работали в нечеловеческих условиях, от них требовалась лишь рабская покорность. Жили не лучшие, чем заключенные в бараках, за

ключей проволокой, под конвоем. А вся их вина была лишь в том, что родились они немцами (Волкова О. Всем на зависть).

Уровень наррации в анализе понимался как стратегии структурирования событийного ряда. Уровень наррации текстов во всех вариантах схож, что позволяет в целом говорить о жанровом единстве текстов. Варианты связаны с совмещением или расхождением функций героя и рассказчика. Первый вариант стратегии структурирования текста – линейный, функции героя и рассказчика обычно совмещены. Схема линейной нарративной структуры: описание места пребывания героя в мирной жизни (указание на место рождения, жительства до войны, описание занятий родителей), воспоминание о благополучной мирной жизни, война как разрушение жизни, перемещение в пространстве (на фронт, в другой населенный пункт), события во время войны (случаи на фронте или примеры выживания семей в тылу), показывающие, какие титанические усилия предпринимали герои для преодоления трудностей, события в жизни героя после войны (работа, учеба, семья и дети), боевые и трудовые награды героя, признание подвига героев обществом. Второй вариант стратегии структурирования текста – нелинейный, функции героя и рассказчика разделены. Схема нелинейной нарративной структуры: воспоминания рассказчика о герое (случай из жизни), рассказ о жизни героя после войны, уход героя на фронт, указание на участия в боях, на храбрость героя, возвращение с фронта, боевые награды героя, награды героя в жизни (семья, дети, ветеран).

Глубинная структура текста показывает фундаментальную систему ценностей, встроенную в текст, совокупность «норм, ценностей и установок, которые универсальны в том, что отражают в тексте ценностные и нормативные структуры специфических социальных систем» [5]. Глубинная структура содержит концептуальные понятия или символы памяти общества о событиях прошлого. Она представлена жизненными ценностями, о которых говорят герои текстов и рассказчики. Ценности в исследовании понимаются как идеальные представления о должном, о качествах и способах, необходимых при взаимодействии с людьми в повседневной жизни и институтами и организациями общества. Важно отметить, что рассказы о событиях прошлого в текстах СМИ о Великой Отечественной войне ведутся в настоящее время, в XXI в. И оценка событий, ценности героев в них даются с позиций современной картины мира как у героев, так и у рассказчиков – авторов текстов.

Положительные ценности в интервью очевидцев о Великой Отечественной войне: служение Отечеству (мужество, «титанические усилия», храбрость); труд («жили в достатке, потому что умели трудиться», «никто не стонал, от работы не отлынивал»); интересная работа (любовь к работе, гордость за свою работу, мастерство); семья («дружная сплоченная семья», любовь к родителям и детям); забота об окружающих людях (доброта, отзывчивость, душевность, «делились хлебом»); честность, порядочность; оптимизм; мир («солнце, тепло, еда»); процветание России, Кузбасса; будущее как продолжение жизни в детях и внуках. Отрицательные ценности: смерть родных, соседей; борьба за выживание (голод, плен); разрушение; страдания; жестокость врагов.

...Творите добро не ради благодарности, то, что делаете для людей – для своей собственной радости (Волкова О. Радует всех, кто с ней рядом).

Нарративы о войне все больше становятся похожи на героический миф о борьбе героя со злом. На примерах текстов СМИ о войне можно наглядно наблюдать, как происходят изменения в общественном сознании, как складываются мифы о прошлом. Стилизовое единство текстов обусловлено схожей повествовательной манерой изложения событий – от первого лица, упоминанием деталей места событий, описанием эмоций, переживаемых героем, разговорным стилем речи.

Применение «устойчивых глубинных структур для организации нарратива приводит не к информированию (ничего социально значимого не сообщается), а к воспроизведению одной модели восприятия социальной действительности» [8]. Можно предположить, что в сознании рассказчиков действительно произошла переработка личных воспоминаний в коллективную историю, произошло соединение прошедшего с современным и будущим через придание событиям определенной смысловой окраски. В проанализированных текстах СМИ о Великой Отечественной войне наглядно видны повторяющиеся модели социальных практик или разделенный коллективный опыт взаимодействия социальных субъектов с внешней средой.

Способы взаимодействия с внешней средой у рассказчиков – героев интервью однотипны. Очевидцы в своих рассказах вспоминают мирное детство, родителей, описывают жизнь до войны, которую разрушила война, вспоминают детали жизни военных лет, рассказывают, как жили после войны, где учились, кем стали. Нарративная структу-

ра публикаций также не отличается разнообразием. Ценности рассказчиков отражают традиционные установки патриотической направленности в общественном мнении.

Таким образом, анализ текстов о Великой Отечественной войне показывает, что в настоящее время сложился определенный канон или образец текста о Великой Отечественной войне в региональных СМИ Кемеровской области, имеющий определенные жанровые особенности: субъективизм восприятия мира, индивидуализм описания, внимание к деталям, натурализм, эмоциональность описания. Культурная память о Великой Отечественной войне в текстах региональных СМИ в начале XXI в. транслируется как единый целостный образ, схематично и упрощенно представляющий события.

Список источников

1. *Негрышев А. А.* Интерпретация действительности в новостях СМИ: некоторые приемы на уровне композиции текста // Медиаскоп. 2012. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1071>
2. *Федоров В. В.* Криминально-правовой нарратив в телевизионном журналистском дискурсе как способ идентификации социальной реальности // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 5 (360). Филология. Искусствоведение. Вып. 94. С. 112–118.
3. *Иванова С. В., Сподарец О. О.* Реализация стратегии субъективизации в структуре новостного политического дискурса СМИ // Политическая лингвистика. 2010. № 3. С. 71–75.
4. *Сосновская А. М.* Прикладной аспект семиотики медиатекстов // Управленческое консультирование. 2014. № 2. С. 131–143.
5. Методы анализа текста и дискурса / С. Тичер, М. Мейер, Р. Водак, Е. Веттер; пер. с англ. Харьков : Гуманитарный центр, 2009. 356 с.
6. *Ярская-Смирнова Е. Р.* Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 38–61.
7. *Женетт Ж.* Повествовательный дискурс // Фигуры: (Работы по поэтике) : пер. с фр. : в 2 кн. Кн. 2. М. : Изд-во им. Сабашникова, 1998. 435 с.
8. *Иванов А. Г.* Социальная мифология как развивающаяся система // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 4 (28). 2016. С. 28–37.

References

1. Negryshev, A.A. (2012) Interpretatsiya deystvitel'nosti v novostyakh SMI: nekotorye priemy na urovne kompozitsii teksta [Interpretation of reality in news media:

some techniques at the level of text composition]. *Mediascope*. 2. [Online] Available from: <http://www.mediascope.ru/node/1071>

2. Fedorov, V.V. (2015) Kriminal'no-pravovoy narrativ v televizionnom zhurnalistskom diskurse kak sposob identifikatsii sotsial'noy real'nosti [Criminal legal narrative in television journalistic discourse as a way of identifying social reality]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 5 (360). *Filologiya. Iskusstvovedenie*. 94. pp. 112–118.

3. Ivanova, S.V. & Spodarets, O.O. (2010) Realizatsiya strategii sub"ektivizatsii v strukture novostnogo politicheskogo diskursa SMI [Implementation of the strategy of subjectivization in the structure of news political media discourse]. *Politicheskaya lingvistika*. 3. pp. 71–75.

4. Sosnovskaya, A.M. (2014) Prikladnoy aspekt semiotiki mediatekstv [An applied aspect of semiotics of media texts]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*. 2. pp. 131–143.

5. Ticher, S. et al. (2009) *Metody analiza teksta i diskursa* [Methods of text and discourse analysis]. Translated from English. Khar'kov: Gumanitarnyy tsentr.

6. Yarskaya-Smirnova, E.R. (1997) Narrativnyy analiz v sotsiologii [Narrative analysis in sociology]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 3. pp. 38–61.

7. Genette, G. (1998) Povestvovatel'nyy diskurs [Narrative discourse]. In: *Figury: (Raboty po poetike): v 2 kn.* [Figures: (Works on poetics): in 2 books]. Translated from French. Book 2. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikova.

8. Ivanov, A.G. (2016) Sotsial'naya mifologiya kak razvivayushchayasya sistema [Social mythology as a developing system]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*. 4 (28). pp. 28–37.

Информация об авторе:

Демчук Н. В. – канд. социол. наук, доцент кафедры экономики и управления Кузбасского гуманитарно-педагогического института Кемеровского государственного университета (Новокузнецк, Россия). E-mail: pyzas@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N. V. Demchuk, Cand. Sci. (Sociology), associate professor, Kuzbass Humanitarian Pedagogical Institute of Kemerovo State University (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: pyzas@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.11.2022;
одобрена после рецензирования 12.03.2023; принята к публикации 10.06.2023.*

*The article was submitted 13.11.2022;
approved after reviewing 12.03.2023; accepted for publication 10.06.2023.*